

Клюцкий, С. В. Восприятие детства в поздней Античности: отцы церкви о детях, детстве и родительстве / С. В. Клюцкий, Е. Д. Смирнова // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 102-107.

С. В. Клюцкий, Е. Д. Смирнова

ВОСПРИЯТИЕ ДЕТСТВА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ: ОТЦЫ ЦЕРКВИ О ДЕТЯХ, ДЕТСТВЕ И РОДИТЕЛЬСТВЕ

Специфика восприятия, чувствительности, способов мышления людей других эпох несколько десятилетий является предметом разнообразных и плодотворных изысканий историков, антропологов, культурологов (Й. Хейзинга, А. Л. Крёбер, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич). Наше выступление касается следующего аспекта данной проблематики: особенностей восприятия и понимания

102

такого этапа жизни человека как детство в эпоху поздней античности, в частности, у раннехристианских авторов. Исследование представляет анализ таких доступных источников, как «Исповедь» Августина, письма Иеронима и проповеди о семье, браке и воспитании Иоанна Златоуста. Нелишним будет отметить, что проблемы позднеантичных ментальности и антропологии на кафедре древнего мира и древних веков исторического факультета БГУ успешно разрабатывают В. А. Федосик и И. О. Евтухов: («К вопросу о формировании антропологии Аврелия Августина», «Киприан и античное христианство», «Концепция человека в произведениях Аврелия Августина периода Тагаста», «Познавательные канцэпцыі чалавека»).

Сопоставление взглядов на детей и детство Августина, Иеронима и Иоанна Златоуста (сопоставление полезно тем, что все трое — современники и отцы церкви) дает неоднородную картину способов восприятия и понимания и разных смыслов, вкладываемых в эти понятия, что позволяет говорить о наличии не единого концепта «детства», а об одновременном сосуществовании нескольких «детств». Наиболее примечательной в данном контексте является позиция Августина.

Принято считать, что суровое осуждение детской природы берет свое начало именно в «Исповеди» Августина. Это суждение требует корректировки. Если внимательно вчитаться в текст Августина, то систему его взглядов на «детство» можно выразить в следующих тезисах.

Непризнание невинности в младенчестве и детстве по причине своих собственных переживаний, экстраполяции своего подростково-юношеского опыта: «*Этот возраст, Господи, о котором я не помню... Мне не хочется ... причислить к этой моей жизни, которой я живу в этом мире... Где или когда [я] был невинным?»*; «*... никто ведь ни чист от греха перед Тобой, даже младенец, жизни которого на земле один день. Кто мне напомнит? Какой-нибудь малютка, в котором я увижу то, чего не помню в себе?.. Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей. Я видел и наблюдал ревновавшего малютку: он еще не говорил, но бледный, с горечью смотрел на своего молочного брата... и это невинность, при щедром источнике молока, не выносить товарища, совершенно беспомощного?»*.

Мучительная рефлексия над вопросами «младенчество-детство», что это такое есть; где истоки, начала жизни, сознания: *«И вот младенчество мое давно уже умерло, а я живу... наступило ли*

младенчество мое вслед за каким-то другим умершим возрастом моим, или ему предшествовал только период, который я провел в утробе матери моей? О нем кое-что сообщено мне, да и сам я видел беременных женщин. А что было до этого?.. Господь мой? Был я где-нибудь, был кем-нибудь? Рассказать мне об этом некому: ни отец, ни мать этого не могли: нет здесь ни чужого опыта, ни собственных воспоминаний...».

Акцент на собственной, персональной ответственности за все поступки, за любой ущерб: *«Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей... в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути мои»; «Что извлёк я, несчастный, из того, вспоминая о чём, я сейчас краснею, особенно из того воровства [кража соседских груш в шестнадцатилетнем возрасте]»; «Что доставляло мне удовольствие в этом воровстве» — желание «совершить поступок, который тем был приятен, что был запрещен»; «... мне было мило само воровство...» и «сообщество тех, с кем воровал», «один я никак не совершил бы его»; «Наслаждение... было в самом преступлении и создавалось сообществом вместе грешивших».*

Рождение сына, осознание греховности этого рождения — перенесение ответственности за этот поступок на свое собственное детство, нахождение причин этого в нем. Радость матери по поводу крещения признается большей, чем при рождении внука. *«Ты обратил печаль ее в радость, гораздо большую, чем та, которой она хотела; более ценную и чистую, чем та, которой она ждала от внуков, детей моих по плоти».* Взгляд на детство с позиции определенного опыта, после определенного опыта, на свое собственное детство. Противопоставление своего детства (как негативного, или, во всяком случае, непозитивного опыта) всеобщему опыту, общепринятому потаканию.

Конструирование образа «детства» из своего собственного и чужого опыта наблюдений за детьми, выделение его из жизни и разделение на ряд этапов; конструирование как результат осмысления своего собственного «Я»: *«Меня встретило утешениями милосердие Твоё... — первым утешением моим было молоко... Ты, через них [мать, кормилицу] давал мне пищу... Уже тогда я умел сосать, успокаиваться от телесного удовольствия, плакал от телесных неудобств». «Затем я начал смеяться, сначала во сне, потом и бодрствуя. Так рассказывали мне обо мне, и я верю этому, потому что то же я видел и у других младенцев: сам себя в это время я не помню. И вот постепенно я стал понимать.*

где я... Я барахтался и кричал, выражал немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям, — но знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не поняв меня, или чтобы не повредить мне, то я сердился, что старшие не подчиняются мне, и свободные не служат как рабы, и мстил за себя плачем. Что младенцы таковы, я узнал по тем, которых смог узнать, и что я был таким же, об этом мне больше поведали они сами, бессознательные, чем сознательные воспитатели мои».

Отделение этого опыта как неистинного (или еще неистинного) «Я» от «Я» обретенного в результате обращения. «Детство» Августина «индивидуально» и одновременно собрано из опыта других людей, а значит и «социально». Показательно сравнение с опытом Ливания: до 15 лет знаменитый ритор мало интересовался обучением, также как и Августин предпочитал «утехи полей, ручных птиц, состязания коней, сценические представления», но в отличие от Августина, признавая за собой эти проступки и слабости, описывает период детства спокойно.

Существенно иная позиция у Иеронима. Не имея опыта, подобного опыту Августина, он не отделяет столь отчетливо и ясно детство, но и не наделяет его столь негативными характеристиками. Иероним настаивает: ответственность за детей, особенно за очень маленьких, лежит на родителях, ребенок, если не воспитан, не крещен, не может нести за это вину. *«А кто еще очень мал и смысл имеет малютки, — все доброе и дурное его вменяется родителям, пока не войдет он в лета мудрости... Уж не думаешь ли ты, что дети христиан, не получившие крещение, только сами виновны в грехе?»*.

Иероним более уделяет внимания вопросам воспитания, родительства. Спокойно относится и даже советует передавать детей на воспитание в другие руки (бабушке, в монастырь): *«...не бери на себя бремени, превышающего твои силы ... отошли [Павлу] к бабушке и тетке... Пусть она воспитывается в монастыре, пусть перейдет на ложе бабушки...»*. Против чрезмерно строгого, аскетического воспитания, за умеренность. *«Пусть лучше она тешится нарядами, имея их, а не смотрит, как другие хвалятся тем, чего она не имеет. И лучше, если, наскучивши ими, она получит отвращение к ним, чем, если, не имея их, пожелает иметь»*. *«... многие... легче оставляют испытанные удовольствия плоти, чем те, кто с детства не знает похоти»*. *«Не нравятся мне*

умеренные посты в очень молодые годы... Из опыта научился я, что молодой осел, устав на пути, делает повороты с дороги».

Акцент на необходимости получения знаний и поощрении обучения. *«Пусть учится она вместе с подругами, которым она могла бы завидовать, похвалы которых могли бы подстрекать ее. Если она будет менее понятлива, чем они, бранить ее не следует, но нужно возбуждать ее способности похвалами, чтобы она радовалась, когда одержит над ними верх, и жалела, когда они превзойдут ее... следует остерегаться, чтобы она не возненавидела учение...»*-, *«...пусть учится азбуке... пусть предлагается ей в награду лакомство, сласти и все, что приятно на вкус; пусть она успевает, в надежде получить что-нибудь из милых цветов, красивых игрушек, любимых кукол»*. Оба анализируемых письма характеризуются очень нежным, трогательным отношением к ребенку (при этом для Иеронима важен не светский, а подчеркнуто религиозный идеал воспитания): *«...Как увещевать к воздержанию ту, которая просит пирожок, которая на груди материнской лепечет болтливym язычком, которой приятнее сласти чем слова?... как я буду внушать повиновение родителям той, которая нежной ручкой бьет смеющуюся мать»*. *«Если пришьешь маленькую Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем. Я буду носить ее на руках; хоть я и старик, — буду лепетать по-детски и далеко превзойду философа светского, потому что буду учить не царя македонского, которому суждено погибнуть от яда вавилонского, а рабу и невесту Христову, чтобы предоставить ее в небесные царства»*.

Продолжая линию Иеронима в вопросах ответственности родителей за детей, Иоанн Златоуст использует понятия «дети» и «детство» в качестве оппозиции родителям. Еще больший акцент на ответственности родителей за потомство: «...не воспитывающие детей...[праведно и благочестиво] суть более детоубийцы, нежели матери. Это говорю я не только женам, но и мужьям. Часто многие из отцов делают все и принимают все меры, чтобы у сына был прекрасный конь, блестящий дом или многоцветное поле; а о том, чтобы у него была прекрасная душа и благочестивые намерения, этому они не оказывают никакого внимания».

Наиболее частый пример — священник Илий. Переосмысление его случая как урока нерадивого родительства. «...Илий погиб чрез своих детей, потому что ему надлежало вразумлять их, — и он, правда, вразумлял, но не так, как следовало бы». Также акцент на периоде юности. «Угождение более всего приносит вреда юности».

Юность неукротима. «Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителей, надсмотрщиках, воспитателях». Способ укрощения — брак. «О целомудрии их мы должны особенно заботиться... Скоро будем брать для них жен, чтобы они, имея честное и нерастленное тело, соединились с ними». «[Родители] детей, находящихся в юношеском возрасте, [пусть] скорее соединяют их узами брака».

В исследуемых текстах Златоуста, Иеронима, Августина порицается светская жизнь, ее стереотипы (и один из них — отношение к детям). Складывается впечатление о наличии приватной среды, частной жизни, в которой к ребенку не относятся строго, где детям дозволяется очень и очень многое, где присутствует забота о благополучии, комфорте потомства (телесном/плотском) и, соответственно, снисходительность к «детским» забавам, играм, утехам, если последние не угрожают будущему благополучию. Наибольшими опасностями в этой среде признаются болезни, физические недостатки, бедность, зависимость. Вопросы духовные, как правило, оставляются для «взрослой жизни».